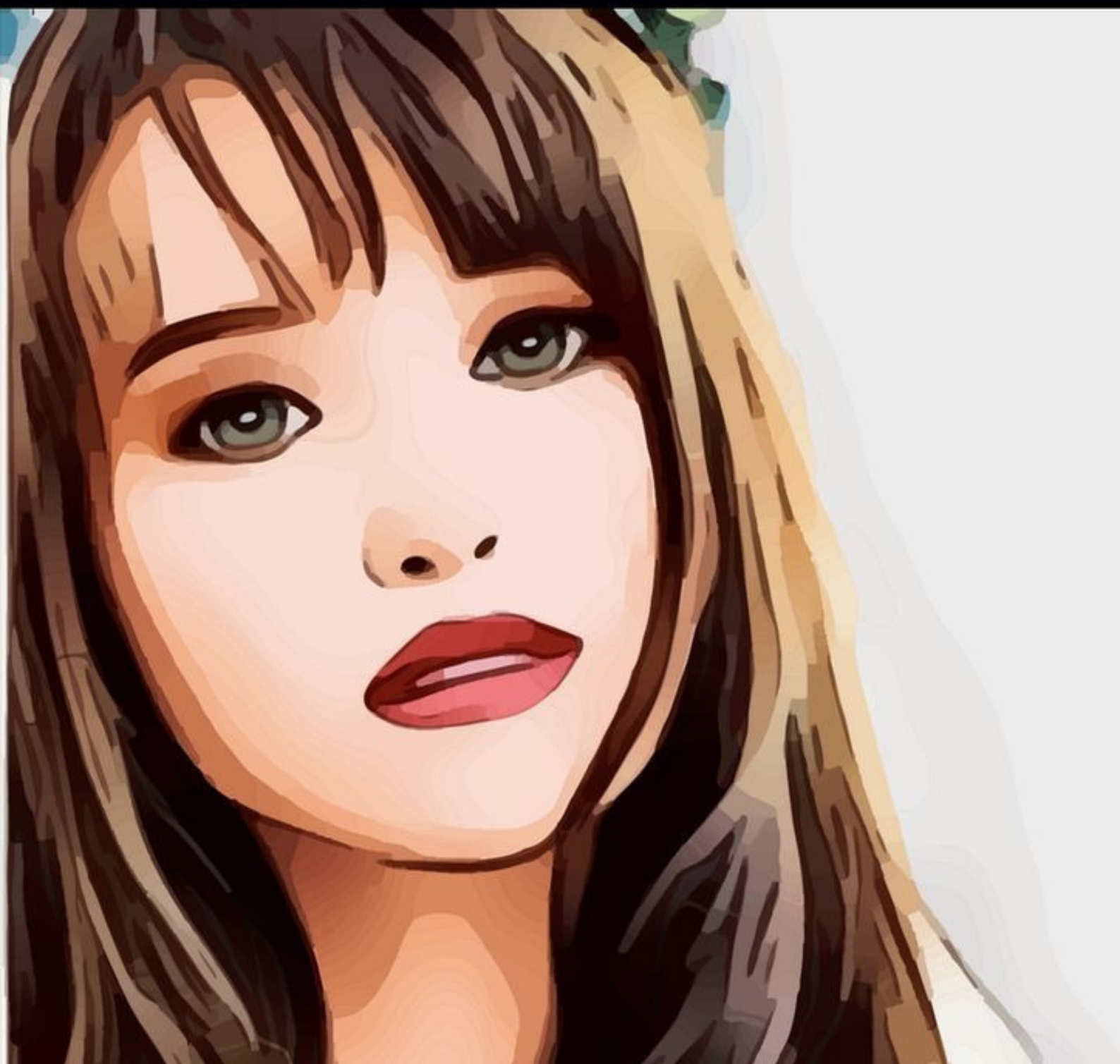

18+

АННА БЕГЛАР

Дочь капитана Гранта

Анна Беглар
Дочь капитана Гранта

«Издательские решения»

Беглар А.

Дочь капитана Гранта / А. Беглар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532963-9

Что делать, если на свой двадцать шестой день рождения ты получаешь неожиданный подарок — контрольный пакет акций крупного холдинга? И приносит его не волшебник в голубом вертолете, а умирающий юрист этого самого холдинга. Прыгать от радости или кричать от ужаса? Здравый смысл говорит: не ввязывайся в игру, правил которой не знаешь. Тебе все равно не победить. Откажись и живи своей прежней жизнью. Вся беда была в том, что здравый смысл и Лиза Орлова никогда не ладили....

ISBN 978-5-00-532963-9

© Беглар А.

© Издательские решения

Содержание

ДОЧЬ КАПИТАНА ГРАНТА	6
Пролог	6
I	7
II	10
III	14
IV	17
V	19
VI	21
VII	24
VIII	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дочь капитана Гранта

Анна Беглар

© Анна Беглар, 2021

ISBN 978-5-0053-2963-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОЧЬ КАПИТАНА ГРАНТА

Пролог

Октябрь 1993года.

Детский дом номер 144 мирно спал. Дежурная нянечка Ася Карловна, тихая уютная старушка, прихлебывала горячий чай и читала дамский роман. Стрелки часов подбирались к пяти утра, и нянечку это радовало. Скоро закончится ночное дежурство, и можно будет пойти домой. Нельзя сказать, чтобы Ася Карловна не любила свою работу, просто в силу преклонного возраста, ей было тяжело бороться со сном. Она давно порывалась уйти на заслуженную пенсию, но заведующая всякий раз соблазняла новой льготой, и Ася Карловна сдавалась. Слишком любили нянечку ее несговорчивые воспитанники, слишком она сама их любила.

Старушка не заметила, как задремала над зачитанной книгой. Вдруг тишину разорвал детский вскрик. Заплакал один ребенок, и тут же, как эхо, откликнулись остальные.

Ася Карловна, роняя очки и книгу, вскочила со стула и заспешила к комнате, из-за дверей которой летел многоголосый плач. Самые младшие девочки ревели в голос, а постарше кричали:

– Ася Карловна! Помогите, Ася Карловна!

Старушку чуть не сбила с ног выскочившая из комнаты воспитанница.

– Ася Карловна, скорее! Там Лиза! Лизе плохо!

– Отойди, Тамарочка!

Но Тамара не слушала и тащила нянечку за собой.

– Ася Карловна, мы разбудить ее не можем!

Ася Карловна отстранила Тамару, подбежала к корчившейся на сбившихся простынях девочке и начала трясти ее за плечи:

– Лиза, Лиза! Деточка, проснись! Проснись, родненькая!

Голова Лизы откинулась назад, в уголках губ выступила пена.

– Вы меня не слушаете, а я говорю – холодной водой надо!

– Нельзя водой, Дашка! – Тамара живо оттеснила подругу плечом. – Вдруг это эпилепсия?

– Какая там эпилепсия! Светлана Петровна говорила, что Лизка здорова, как слон! – буркнула Дарья и, прежде чем Ася Карловна успела вмешаться, выплеснула на Лизу стакан воды.

– Ага! Проснулась! – торжествуя крикнула юная медсестра. – Ну, и чего ты так орала?!

Лиза смотрела перед собой пустым взглядом. Ее била крупная дрожь, а из глаз продолжали литься слезы.

– Не плачь, Лизонька. Все хорошо, деточка моя, – ласково баюкала ребенка, Ася Карловна и гладила девочку по спутанным волосам. – Ну чего же ты так? Что ты надумала? Меня старую, чуть Кондратий не хватил. Девочек побудила. Что тебе привиделось?

– Земля... – сквозь плач разобрала старушка. – Меня засыпали землей, Ася Карловна.. Я звала на помощь, но никто не пришел.

I

Май 2013 года.

Рано или поздно любой человек задается вопросом, для чего он собственно, пришел в этот мир. По мнению родных и друзей, я пришла в этот мир, чтобы окончить институт, найти работу, выйти замуж, родить ребенка и благополучно скончаться лет в восемьдесят. По мнению отдельных личностей, чьи подвиги я имела счастье осветить в питерских СМИ, я родилась с исключительной целью – испортить их и без того несладкую жизнь, и они бы не возражали передвинуть мою кончину лет на пятьдесят вперед. Чего от себя ждала я сама, сказать было трудно.

Пока что, я пыталась на должном уровне описать встречу губернатора с потерявшим надежду на городское самоуправление электоратом, проходившую в рамках предвыборной кампании. Статья рождалась в муках уже часа четыре. Телефон периодически напоминал мне о том, что готовый материал давно должен быть у Семена Прянишникова, который приведет его в соответствие и вывесит на портал.

Откинувшись на спинку стула, я со вкусом выругалась, помянув добрым словом бессменного редактора нашей газеты Владу Полежаеву, чуткую и добрую женщину, которая через день обещала, что скоро от меня повесится и повторяла:

«Лизхен, ты, как Иван-Царевич с гайкой из старого анекдота, ей-Богу. И сама вляпываешься, и нас под монастырь подводишь. Если бы не рейтинг, убила бы давно!»

Рейтинг для Влады – это святое, а я – та курочка, которая с риском для жизни, добывала золотые яйца. По крайней мере, я ею была, пока не решила написать репортаж о небольшом металлургическом комбинате, входящем в холдинг «Стелла». Мои осведомители отыскивали документальное подтверждение истинных причин банкротства прежде процветавшего комбината, а я не поленилась довести эту информацию до сведения прокуратуры и общественности. На комбинат разом нагрянули надзорные органы всех мастей, включая разом прозревших хозяев. И если прокурора главный фигурант по фамилии Стрельцов особо не опасался, то хозяйский визит его серьезно озадачил, и ему стало не до газеты в целом, и меня в частности.

Влада, с трудом пришла в себя после прочтения репортажа, пообещала уволить Прянишникова, который за ящик пива пропустил материал на портал без ее обязательного визирования, и велела мне больше не попадаться ей на глаза. По крайней мере, пока я не выучу про кого можно писать статьи, а про кого нет. И сидеть бы мне без работы, если бы Прянишников потихому не переадресовал мне заказ из другого издания на статью про губернаторский визит.

Я потеряла уставшие глаза и внимательно перечитала последний абзац. Подумала немного и допечатала несколько емких по содержанию, но далеких от истины, посулов народного избранника. Все. Пусть люди радуются обещанным переменам, Сёма получит материал, а я пойду спать. Как-никак завтра мне стукнет двадцать шесть лет, и неплохо бы походить в этот день, если не на счастливого, то хотя бы на выпавшегося человека. Даже если этот человек практически безработный борец за чужое светлое будущее.

Примерно час я провертелась с боку на бок, пересчитала бесконечную череду баранов и овец и уже не чаяла отправиться в объятия Морфея, как на меня накатила тяжелый сон, больше похожий на глубокое забытие.

Я снова лежала в узкой холодной яме и беззвучно крича, смотрела, как на меня катится земляной оползень. Самое страшное – я не могла проснуться. В детском доме меня будили подружки или нянечки. Сейчас спасал лабрадор по имени Чарльз.

Я медленно села в постели. В горле саднило. Значит, я опять кричала. Лицо опухло от слез. Чарльз запрыгнул на постель и ткнулся мокрым носом мне в щеку. В блестящих карих глазах светилось беспокойство.

И кто придумал, что животные глупее людей? У меня не было более благодарного слушателя и защитника, чем этот пес, подобранный во время командировки в Сочи. Чарльз знал все стандартные команды, в квартире вел себя крайне деликатно. Кроме того в ходе все той же командировки, отыскал в багаже одного весьма благонадежного гражданина пакет наркотиков. Оперативники уговаривали оставить лабрадора служить в полиции, но я отказалась. Оставила свои координаты, на случай если объявится хозяин, и увезла пса с собой. С тех пор прошло пять лет. Мы с Чарли – верные друзья, и ничего не напоминает о том, что у пса был другой хозяин, кроме одной детали. Чарльз раз в месяц бегаёт на вокзал и встречает поезда. Посидит, подождет, пока выйдет последний пассажир, и медленно уходит. Кого он однажды так и не дождался, мне уже не узнать.

Я приласкала собаку и предложила отправиться на утреннюю пробежку. Была бы моя воля, я бы весь день провела где-нибудь в лесу, подальше от цивилизации. Дышала бы воздухом и наслаждалась природой. Но вместо этого мне предстоял поход в ресторан, куда подруги пригласили меня праздновать мой день рождения.

Мои девушки – психолог-переговорщик с гордым римским именем Юлия и не менее гордой русской фамилией Трубецкая, гроза криминала всяя Руси следователь Валерия Лисовская и обворожительная домохозяйка Вероника Светлова дружно решили, что меня пора начать вывозить в свет. Точнее выпихивать в свет, поскольку сама я с места не тронусь. Дружили мы давно. Еще с детского дома. Тогда Юлия была Дарьей, а Вероника – Тамарой. Приемные родители поменяли девочкам имена, и нам с Валерией пришлось приложить немало усилий, чтобы отыскать их. Возможно и не нашли бы, не попади я в Семью, где слова «невозможно» не существовало.

К обеду поздравления пролились библейским потопом. Удивительно, но позвонила даже Влада. Она уведомила, что пока не простила мне моей глупости, но надеется, что я поумнею и вернусь к работе, когда все уляжется. К счастью появилась Трубецкая, и уведомить Владу, что умнеть в мои планы не входит, я не успела. Расцеловав в обе щеки и вручив подарок, Юлия прошествовала в спальню, уселась на мою любовно запроваженную кровать и поинтересовалась:

– Влада звонила?

– Ага. С праздником поздравляла, – Я приложила к себе брючный костюмчик горчичного цвета. – Как думаешь, ничего?

Юлька прищурила голубые глаза:

– Ничего хорошего. Надень платье.

– Выпускное?

Подруга подкатила глаза к потолку и простонала:

– Подруга, ты меня пугаешь! Твоему выпускному платью только моль порадует. Ты женщина или кто? Неужели не хочется ну хоть чуточку мужского внимания? Тебе нужно платье! Длинное и роскошное! Ну, или маленькое черное, на крайний случай... До вечера еще времени много. Едем в торговый центр!

– Не хочется мне никакого внимания. – честно ответила я. – Я себя и так великолепно чувствую. Не забывай, я теперь безработный журналист и шикарное платье в списке первоочередных расходов не значит.

– Бей посуду, я плачу! – сурово оборвала мои причитания Юлия. – Сделаю себе подарок на твой день рождения. Хочу хоть раз увидеть подругу в романтическом образе! Приобретем что-нибудь, такое, какое и надеть больше некуда, – вдохновенно вещала Трубецкая.

– Опять романов начиталась? – прозорливо осведомилась я. – Зачем мне платье, которое надеть некуда?

– Все, собирайся по-быстренькому, – она полезла в сумку. – Я сейчас Нику вызову. Она в моде в сто раз лучше нас с тобой разбирается.

Я было открыла рот для дальнейших возражений, но Трубецкая уже орала в трубку, призывая Светлову на помощь. Я махнула рукой и вернулась к изучению своего гардероба.

– Все, – Юлия спрятала мобильник. – Через полчаса будет. И не надо так на меня смотреть. Лучше расскажи, какие у тебя планы на будущее? Будешь опять правду искать или собираешься начать жить, как все нормальные люди?

II

Против ожиданий Вера не опоздала ни на минуту, и наше трио двинулось потрошить магазины. В первом доморощенным ведущим передачи «Перезагрузка на ТНТ» не понравился фасад, во втором оказались недостаточно вежливые продавщицы, а в третьем я чуть не упала в обморок при виде тамошних цен и под благовидным предлогом покинула бутик. Трубецкая злобно покосилась на меня, но промолчала. Светлова же дипломатично заметила:

– Лиз, может, хватит над людьми издеваться? Вечернее платье в стиле милитари – это сильно.

– Это они издеваются, – фыркнула я. – На кой мне платье по цене подержанной иномарки?

– Просто оно от Армани, – снисходительно заметила Вера.

– Оно от тети Клавии с улицы Вишневой, дом номер восемь. Ткань дешевая и нитки из шва торчат. Может, по мороженому и домой?

– Ша! – Юля решительно прервала наши дебаты. – Последний бутик. И если ты там ничего не выберешь, пеняй на себя!

Вера пригляделась к выставленным в витрине манекенам и прыснула:

– Юль, это свадебный салон. Ей туда пока рано.

– Пошли, – отрезала Трубецкая. – Я точно знаю, там половина свадебный салон, половина обычная женская одежда. Давай, давай..

– Что ж, ассортимент неплохой, – через пару минут резюмировала Юлия.

– Да. Есть из чего выбрать. – поддержала ее Вера. —А ты что себе в прошлый раз купила?

– Ничего. В прошлый раз мы здесь заложников спасали, – пояснила Трубецкая. – Муж хозяйки оригинальным способом решал семейные проблемы. Заперся здесь с четырьмя посетителями и гранатой без чеки.

– И как? – поинтересовалась я.

– Нормально, – Юля перебирала вешалки с платьями. – Он под следствием, зато жена забрала заявление о разводе и наняла ему адвоката. Совет да любовь.

– Здравствуйте, – к нам подошла миловидная девушка-консультант. – Могу я вам помочь?

– Здравствуйте, Алина, – Трубецкая прочитала имя девушки на бейджике. – Да, можете. Моя подруга, – Юля положила руку мне на плечо, – хочет подобрать себе платье.

Алина окинула профессиональным взглядом мою фигуру, определяя размер, и осведомилась:

– Свадьба? Корпоративная вечеринка?

– День рождения, – рискнула я вставить словечко. – Мне что-нибудь...

– Ей что-нибудь прямо противоположное тому, что на ней надето. – перебила Вера. – Мы хотим отойти от стиля милитари.

– Понятно. Вы можете пока присесть. Чай, кофе?

Я только открыла рот, чтобы согласиться на кофе, но Алина уже вела меня в примерочную.

– Каким цветам вы отдаете предпочтение?

Я неопределенно пожала плечами:

– Мне нравится спортивный стиль и немаркие цвета.

Алина внимательно посмотрела на меня:

– Простите, но ваши подруги совершенно правы. Спортивный стиль вам не к лицу. Не спорю, очень удобно, но не всегда уместно. Вам нужно подчеркнуть свою индивидуальность. Мужчины любят глазами.

Я задумчиво посмотрела на свое отражение. Смуглая кожа, иссиня-черные волосы чуть ниже плеч, ровная челка до бровей, глаза в зависимости от освещения либо серые, либо зеленые.

В Семье меня называли Шеба. Потому как, дядюшка Пауль углядел во мне сходство с давно умершей царицей Сабы. Ну и еще по ряду причин. Об этой стороне моей жизни не знали даже подруги.

– Хорошо. Начнем с этого, – я указала на облегающее платье насыщенного голубого цвета с V —образным вырезом. – Потом принесете всю вашу новую коллекцию. Будем подчеркивать.

– То, что надо! – в унисон выдохнули мои мучительницы, когда я семенящей походкой вышла из примерочной. – Лизкин, тебя просто не узнать!

– Ну, не знаю, – я изогнулась перед зеркалом, пытаюсь рассмотреть себя со всех ракурсов. —Мне кажется чего-то не хватает....

– Мозгов у тебя не хватает, – припечатала Юлия, восторженно глядя на платье. – Такое платье! Да если я всуну туда свою задницу, сама его куплю!

– Вот именно платье ТАКОЕ..– я покачала головой. – А где моя индивидуальность? Нет. Я скрылась в примерочной и задернула шторку.

Трубецкая с шумом выдохнула.

– Она опять издевается?! Платье просто прелесть.

– Лизка в собственном репертуаре, – махнула рукой Вероника. – Сейчас замучает продавщицу, перемеряет полмагазина, ничего не купит и пойдет на праздник в своих любимых джинсах.

– Светлова, когда это кончится? – грустно спросила Трубецкая. – Двадцать лет переодеть не можем. Двадцать лет переубедить не можем.

– Десять лет выдать замуж не можем, – продолжила перечислять Вера. – Были бы дома мужик и парочка детишек, некогда было бы бегать на штурм Зимнего. Она тебе сказала, что в газету не вернется? Потому как Влада ограничивает свободу ее творчества. Спасибо бы сказала, что ей за последнее творчество никто голову не оторвал.

– Чует мое сердце, Лизхен скоро опять куда-нибудь вляпается, – пробурчала Юля.

– Девицы, смотрите, – я разглаживала складки ярко-зеленого облегающего платья-макси с разрезом до бедра. – Уже теплее верно?

Мои барышни тоскливо переглянулись.

– Лиз, а может голубенькое возьмем, а? – предложила Вера.

– Да, – поддержала ее Трубецкая. – На вешалке оно может быть и ничего, но на тебе уж очень вызывающе смотрится. Алина, мы же объяснили вам, что ей нужно.

Алина беспомощно развела руками.

– Ладно, – я окинула свое отражение взглядом. – Не спорю. Перебор. Алина, вишневое принесите еще раз пожалуйста.

..А в это же самое время у входа в бутик остановились двое мужчин в шитых на заказ деловых костюмах. Первый выразительно посмотрел на витрину и поинтересовался:

– Дмитрий, ты ничего не перепутал?

– Не понимаю, что тебя так смущает, Алекс? Ангелина попросила меня привезти ей какой-то особенный веер к свадебному платью.

– Не знал, что ты подрабатываешь ее гувернером.

– Глупая шутка, – поморщился Дмитрий. – Ты прекрасно понимаешь, что у нее нет близких людей, кроме меня. Вся эта свадьба- одна большая катастрофа. Мне откровенно опротивело смотреть, как с ней обращаются и Марк, и Константин. Да и твой шеф не лучше. На ее месте, я давно сбежал бы от вас куда-нибудь в Гондурас.

– Молодые люди не загораживайте дверь!

Мимо прошествовала крупногабаритная дама в розовом костюме.

– Что за молодежь пошла, – продолжала ворчать она. – Никакого уважения к старшим.
– Знаю, я семейный адвокат, а не ее нянька, – продолжил Дмитрий. – Но разве ты сам не понимаешь, что с ней будет после свадьбы? Прости, не хочу продолжать бессмысленный разговор, Алекс.

Алекс тяжело вздохнул и вслед за Дмитрием вошел в бутик.

В салоне на удобном кожаном диване тосковали две покупательницы.

– Вишневое, зеленое, голубое... Это сегодня кончится?! – вдруг гаркнула рыжая и, подскочив с места, ринулась к примерочной. – Я сейчас выполню ее желание скончаться в день рождения!

– Не ори. Перед людьми стыдно, – донеслось из-за шторы.

Александр и Дмитрий замерли на месте и удивленно переглянулись.

– Ну что, девушки, как вам вот это?

– Твою мать, – Алекс обернулся к другу. – Дима, ты видишь то же, что и я?

– Ангелина? – Дмитрий узнавал и не узнавал свою любимицу. – Аля, что ты тут делаешь?!

И что ты с собой сделала?

– Простите, что? – я не сразу поняла, что обращаются ко мне.

Этих двух с ларца я заметила сразу, как только они появились в салоне. Оба были очень даже ничего – высокие, спортивные, дорого одетые. Блондин, который назвал меня Ангелиной, нахмурил брови, ждал объяснений, а обаятельный шатен с небесно-голубыми глазами только качал головой, как китайский болванчик.

– Лизка, чего им от тебя надо? – слева от меня возникла Вероника. – Вы всегда так оригинально знакомитесь с девушками, господа?

– Простите, мы приняли вас за мою бывшую клиентку, – Дмитрий протянул мне руку. – Меня зовут Дмитрий Кожевников. Я юрист.

– Елизавета Орлова.

Я между делом отметила уверенное рукопожатие.

– Еще раз извините. – Дмитрий вежливо улыбался. – Если, не приведи Господь, вам потребуется юридическая помощь, буду рад оказать вам услугу.

Я протянула руку за предложенной визиткой, но меня опередила хмурая Трубецкая.

– Боюсь, ваши услуги нам не по карману. Лиз, там еще пять платьев из новой коллекции не меряно.

– Да? – я бросила на подругу внимательный взгляд. – Ну, спасибо, что напомнила. Всего хорошего, Дмитрий.

– Всего доброго, Елизавета.

– Ну и что это было? – осведомилась я у Трубецкой, когда мужчины покинули салон. – Чего ты завелась?

– Не понравились мне эти двое, – буркнула та.

– Мне тоже, – согласно кивнула Вероника. – А Лизон похоже в восторге.

– А почему они не должны мне нравиться? – я пожалала плечами. – Очень милые мальчики.

– Хотя бы тем, что один из этих мальчиков мелькал в деле «Стеллы».

– Глупости. Я бы запомнила. А вот это платье очень даже ничего. Как считаете?

– Шикарно, – Вероника кивнула. – Даже ты в нем похожа на человека.

– Стало быть, берем.

– Берем, – согласилась Юлия. – Не забудьте, девочки, в восемь вечера в «Голубой иве».

Просьба не опаздывать.

Последняя фраза предназначалась исключительно Нике. Та невинно похлопала километровоими ресницами и покивала. Из чего я сделала простой и логический вывод, что очередное нервное ожидание нам обеспечено. Уже направляясь к дому, я спиной почувствовала чей-то

внимательный взгляд, но не стала оборачиваться. Внезапно мне подумалось, что самое противное обычно случалось со мной именно в день рождения. Причем, начиная с самого первого.

– Это была коллективная галлюцинация? – поинтересовался у Дмитрия Алекс. – Давай подождем. Я думаю, это все-таки Аля нас дурачит.

– Нет. Это не Аля. – Кожевников вытащил сигарету. – По-твоему, я просто так ей руку жал и визитку давал?

– И?

– Во-первых, Аля длинноволосая блондинка и правша, а Лиза брюнетка и левша.

– Постриглась и перекрасилась.

– Да. И отрастила себе мизинец на левой руке.

С этим аргументом, Алекс поспорить не мог. Травмировалась Ангелина еще в восьмом классе, после чего была переведена на домашнее обучение. Подальше от опасностей, постерегающих на каждом шагу.

– А про веер-то я и забыл, – вдруг грустно произнес Дмитрий. – Схожу, заберу.

В салоне юрист Кожевников пробыл недолго. Вышел снова без веера, на вопросы Алекса отвечал скупно, а под конец вообще замолчал. Будто знал, что жить ему оставалось чуть меньше суток.

III

Вернувшись домой, я залезла в интернет и нашла пошаговую инструкцию по нанесению вечернего макияжа. Потом вооружилась спонжами и кистями и приступила к делу. Ощущая себя симбиозом маляра и штукатура, я трудилась около часа. Заключительным аккордом, обвела контур губ красным карандашом и потянулась за помадой. Потом закрыла футлярчик и окинула себя критическим взглядом.

Вишневое платье с открытыми плечами облегло верхнюю часть фигуры и мягкими складками спадало до колен. Волосы я уложила в узел и скрепила тяжелой заколкой под золото, украшенной несколькими темно-розовыми камнями. Вечерний макияж вкупе с одеждой и прической превратил меня в хорошенькую девушку, не имеющую никакого отношения к Елизавете Орловой.

Приласкав на прощание собаку, я прихватила сумочку и уже была на пороге, когда ожил телефон. Я сняла трубку и уже заготовила быструю благодарность на поздравление неизвестного абонента, но трубка голосом дядюшки Пауля произнесла:

– Приезжай домой.

– Что? – я застыла на месте.

– Приезжай, как можно скорее, Шеба, – повторил дядя. – Ты нужна Семье, – и повесил трубку.

– Что-то вид у тебя не больно радостный, именинница, – вполголоса заметила Лера, когда мы прикончили вторую бутылку вина. Точнее спиртное истребляли мои подруги, а я налегала на соки и пепси-колу. – Или ты в глубокой печали, что джинсы отняли?

– Тебе показалось, – я изобразила улыбку. – Я радуюсь!

– Ну, смотри, – бравый полутрезвый следователь ткнула вилок в тарелку, целясь в маринованный гриб. Шампиньон увернулся и с полтычка перелетел в тарелку к Трубецкой. Та вежливо поблагодарила и, не обращая внимания на негодующий взгляд Валерии, отправила гриб в рот.

– Это был последний шампиньон! – возмущенно произнесла Лера.

– Да? – Юлька погладила себя по животу. – Вкусный, однако.

– Это был мой шампиньон! – продолжала диспут Валерия. – А ты его схомякала. Он у тебя даже таможенный контроль не прошел!

– Паспортный, – поправила Вера, утыкаясь носом в стакан с томатным соком. – Лиз, Сириусу больше не наливать, а то, она сейчас крупномасштабные аресты производить начнет.

– Что, я еще у каждого гриба буду документы спрашивать? – завелась Трубецкая. – Твой он или ничейный?

– А хотя бы! – Лера придвинула к себе тарелку и, чавкая, принялась уплетать запеченное мясо. – А ничего. Надеюсь, этот окорочок к тебе не убежит.

Я невольно фыркнула, представив эту картину. Вслед за мной засмеялась Вера. Причем она умудрилась фыркнуть именно тогда, когда готовилась отхлебнуть из стакана. На один краткий миг приличная девушка, жена и мать уподобилась тихоокеанскому киту. Фонтан ярких красных брызг полетел во все стороны.

– Вы что издеваетесь?! – взвела Лера. – Одна грибы ворует, вторая соком обливает!

– Это душ, – проикавшись, пояснила Юлька. – Да не злись, ты так. Вон Лизке больше всех досталось, а она сидит и молчит.

– Так у нее платье красное. На нем ничего не видно, – чуть не плакала Лера. – А мой костюм испорчен.

– Пошли, замоем, – предложила Вера и, преодолев резко усилившееся земное притяжение, девицы умелись отмываться. Трубецкая залпом допила свое вино и повернулась ко мне:

– Лиз, что случилось?

Я передернула плечами.

– Пока ничего.

– Значит, еще может случиться? – нахмурила изящные брови Юлия. – А ну рассказывай, – Трубецкая придвинула свой стул к моему. – Это как-то связано с двумя маразматиками из магазина? Говорила я тебе, что они имеют отношение к прежнему делу.

– Да, нет. Об этих я вообще не думала. Проблема в том, что я понятия не имею, что теперь делать. И перед Владой надо бы извиниться, а мне ужас как не хочется давать обещаний, которые я точно не собираюсь выполнять.

– Ну, конечно. – Судя по выражению лица, Трубецкая не поверила ни единому слову, но благоразумно решила не лезть мне в душу.

– Смотри-ка, уже час ночи, – с деланной веселостью проговорила она. – По-моему, деткам пора в кровати. Я сегодня у тебя переночую, ладно? Неохота через весь город домой пилить. Интересно, наши пьяницы в туалете не утонули? Гарсон! Счет.

Дома я на скорую руку смыла макияж, переделалась и заползла в постель. Краем уха я слышала, как рядом сопит Юлька, как бродит по коридору Чарльз. Несмотря на открытые форточки, в комнате висела невыносимая духота. Судя по всему, обещанная метеорологами дневная гроза решила разразиться ночью. Глухо зарокотал гром, комнату осветила вспышка молнии. А через пару секунд Чарльз взорвался злобным лаем. Умный пес, вздыбив шерсть на загривке, с ненавистью бросался на входную дверь, из чего следовало, что на нас вот-вот совершат разбойное нападение.

Я на цыпочках вышла в коридор, вытащила из рюкзака газовый баллончик и так же неслышно подошла к двери. Некто колотил по ней так, словно от этого зависела его жизнь. Наверное, нужно было набрать ноль два, или хотя бы посмотреть в глазок, а лучше просто пойти спать. Но я, как обычно, выбрала неправильный вариант. Крепко держа Чарльза за ошейник, повернула ручку и впустила в дом неприятности.

На пороге, пошатываясь, стоял блондин из салона в некогда респектабельном костюме. Когда он увидел меня, в его глазах промелькнуло удивление, которое через секунду сменилось невероятным облегчением. Словно он шел ко дну, а я оказалась брошенным ему спасательным кругом. Но вместо того чтобы вломиться в мою квартиру, Дмитрий протянул руку и схватил меня за запястье. Такая уверенная днем, сейчас его ладонь слегка подрагивала и была выпачкана чем-то темным и липким. Кожевников с видимым усилием вложил мне в руку длинный прямоугольный конверт и хриплым шепотом произнес:

– Берегитесь, Шеба. Он рядом.

– Что?! – я ахнула. – Откуда вы знаете меня?

Вместо ответа он сильно толкнул меня в грудь и захлопнул дверь квартиры. Я не сумела удержаться на ногах и рухнула навзничь. Словно сквозь вату до меня доносились удаляющиеся шаги, лай собаки и какие-то хлопки.

Я с трудом поднялась сначала на четвереньки, потом на ноги. В правой половине головы перекатывалась боль. Поминутно натыкаясь на предметы интерьера, я побрела в комнату. Включать свет было страшно. Кое-как добравшись до кровати, я потрясла Юльку за плечо. Та что-то недовольно пробурчала и попыталась отвернуться к стене.

– Да проснись же ты! – чуть не плача шептала я – Юлечка, ну пожалуйста!

Не знаю, что больше действовало: вода из стакана на тумбочке или непривычно ласковое обращение, но Трубецкая резко села и уставилась на меня.

– Лиз, ты сдурела?! Решила мне отомстить через столько лет? – она раздраженно отряхивалась.

– Вставай быстро!

Я потянула ее в ванную.

– Куда? Зачем? Господи, Лизка! – судорожно вздохнула Юлька.

Я опустила глаза на свои руки и с трудом удержалась, чтобы не завопить. Конверт, который передал мне Дмитрий, был перемазан кровью и в одном месте украшен отверстием очень похожим на след от пули.

– Лизка, что случилось?! – Юлия присела на бортик ванны.

– Подержи.

Я сунула ей конверт и пустила воду. От вида красных потеков на белом фаянсе меня внезапно затошнило. Смыв с рук кровь я, наплевав на гигиену, напилась воды прямо из-под крана и тоже устроилась на бортике.

– Это был Дмитрий. Тот из салона... Он стучал, а я открыла... он сунул мне этот конверт и убежал... А потом его кажется, убили... Ой, Юлька, – я запустила пальцы в волосы. – Что же это творится?

– На кой ты ему открывала?!

– Не знаю..

– Почему ты решила, что его убили?

– Мне показалось, что стреляли.

– Ну ты и дура! И этот Дмитрий, он что, утром юрист, а ночью почтальон? Он хоть что-нибудь тебе сказал? – Юлия пыталась придать ситуации логическую окраску.

– Ничего, – солгала я. – Ни слова. Дай гляну, что в конверте.

– Ни за что. – Трубецкая сжала бумагу. – Не надо нам чужих проблем, слышишь? Прошу тебя, Елизавета, давай обойдемся без глупостей. Выброси его и все.

– Ни за что. А если из-за этой информации человека убили?

– Я весьма сожалею, но это не наши проблемы. А если они вернутся и убьют тебя, дуру любопытную?! – рывкнула Юлька. – Он же тебя подставил. Неужели не понимаешь? Хорош гусь! Вот как дала бы сейчас по морде!

Она воинственно махнула пластмассовым ковшиком, из которого я обычно поливала цветы.

– Стыдись, – я отобрала ковшик. – Об умерших или хорошо, или ничего. Давай сюда конверт.

– Лизка, ты точно своей смертью не умрешь, – констатировала Трубецкая.

– Может, и не умру, – я пожала плечами и вскрыла конверт. Внутри сиротливо лежали фотография девять на двенадцать и листок бумаги сложенный вчетверо. – Негусто.

– Ну и чего? – любопытный нос Трубецкой тут же возник рядом. – Из-за таких мелочей уже убивают? Все, фотки с корпоратива в печать сдавать не пойду.

– Не паясничай, – поморщилась я и повертела снимок в руках. – Где-то здесь зарыта собака. И мы выясним где. Только вначале надо проверить не оставил ли ныне покойный ненужных следов у моих дверей.

IV

Пятна крови обнаружили и на входной двери, и на полу, и кое-где на перилах.

«Мы все это ни за что не вымоем. Что-то да пропустим.» пронеслось в моей голове.
«Не приведи Господь, кто-нибудь из соседей появится, и нам конец.»

Однако ни одну из этих мыслей я озвучивать не стала. Передала Юлии тряпку и шепотом произнесла:

– Значит, так. Я вытираю кровь с плитки и перил до выхода из подъезда, а ты смываешь с двери.

– Лизка, это называется «уничтожать улики». – Трубецкая мертвой хваткой вцепилась в мое запястье.– Может все-таки полицию вызовем? Скажем, кто-то ломится в нашу дверь и нам страшно. Пусть приезжают и разбираются.

– А потом они найдут труп, сверят время смерти с нашим звонком и поймут, что никуда ломиться данный гражданин уже не мог. И вуаля, мы под подозрением и у полиции, и у тех, кто его убил.

– На кой ты ему открывала?! – снова спросила Трубецкая. – Ладно, моем. Будем надеяться, твои соседи спят сном праведников, и никто ничего не заметит.

– На моей площадке слева – хакер, ему кроме компьютеров ничего не интересно, а справа – слепая и глухая бабушка. Главное, чтобы с первого или третьего никого не принесло.

То, что я делала сейчас? было против всех моих убеждений. Я должна была вызвать полицию, должна была отдать им конверт и рассказать все, что знаю. Но я не могла позволить, чтобы потенциально опасная для Семьи информация попала в органы правопорядка.

Ликвидировав кровавую цепочку на полу и перилах, я вернулась на свой этаж. Юлька постаралась на славу, дверь буквально сверкала. Отобрав у новоиспеченного Мойдодыра тряпку, я выскочила на улицу, добежала до открытого канализационного коллектора, непроходящей головной боли управляющей компании нашего дома, и отправила туда улику. Ну, теперь, кажется все.

– Лиз, мы влипли, – заметила Трубецкая, когда мы устроились за кухонным столом с чашками кофе.

– Как будто в первый раз, – фыркнула я.

– В такую историю, в первый, – мрачно произнесла Юлия. – Не хочу тебя огорчать, но если тот юрист действительно убит, конверт нужно отдать полиции.

– Что же такого особенного в этом фото? – я положила прямоугольничек перед собой. – Почему он так стремился его спасти?

– Его или этот план? – Юлия развернула листок и нахмурилась. – Бред какой-то. Дай взгляну на фото. – Трубецкая придвинула снимок к себе. – На бандитов они не похожи. Слишком благообразные. Фото старое, даже бумага пожелтела. Посмотри, у этого вместо лица теперь дыра от пули. – Юлия перевернула фотографию и хмыкнула: – А вот это уже интереснее. Лиз, послушай. «Все, что сделал предьявитель сего, сделано во благо Звезды и по моему приказу. Ему вершить суд и править моей империей. Ата... н.» – с выражением прочла Трубецкая.

– Какой еще Атан? – я выхватила у подружки фото и перечитала надпись. – Не Атан, а атаман. Ничего себе!

– Просто прелесть! – Юля хмыкнула. – Все это бред, Лизка. Какой-то идиот написал эту чушь.....

– Да, а другой взял и умер с ней практически у меня под дверью, – я отхлебнула кофе. – А перед смертью попросил меня быть осторожной.

– Елизавета Юрьевна, вы путаетесь в показаниях, – Юлька поправила на носу воображаемые очки. – Ты, кажется, говорила, что он не произнес ни слова.

– Перестань, а? – я поморщилась. – И что будем с этим делать?

– А давай предъявим, – вдохновенно предложила Трубецкая. – Представь только, Елизавета Орлова, пан-атаман Грициан Таврический. Юлия Трубецкая – адъютант ее превосходительства. Как звучит! ОУЙ. – Потирая затылок, подруга переместилась к окну. — Не хочешь, как хочешь. А если серьезно, мое мнение такое: вот печка, вот спички, и нет проблемы.

– Нет, жечь его мы не будем. Я еду в Москву на пару недель. Возьму с собой.

– Нет! – Юлька подпрыгнула на месте. – Я не позволю тебе губить свою молодую жизнь.

– А твоя задача выяснить все, что можно и нельзя про труп, который завтра найдут в наших окрестностях.

Несколько секунд мы прожигали друг друга злыми взглядами, а потом Трубецкая повертела пальцем у виска и ушла из кухни.

Я осталась допивать кофе. В голове вертелась очередная дурацкая мысль, что творческие люди обычно становятся знамениты после своей смерти.

V

Утром я выпроводила Трубецкую на разведку, а сама стала собирать вещи. Напряженную деятельность прервал длинный звонок в дверь. У меня внезапно похолодело в груди, а колени стали ватными. Вот сейчас открою дверь, а мне в лоб посмотрит дуло пистолета, и я так и не узнаю, в чем собственно было дело. Однако, на пороге оказался всего лишь молодой полицейский. Парень порылся в папочке и осведомился:

– Орлова Елизавета Юрьевна? Оперуполномоченный Васильев.

– Чем могу помочь, товарищ сержант?

– Вам повестка. Распишитесь, – он сунул мне в руки дешевую шариковую ручку и разлинованный листок.

– Повестка? А почему? Что случилось?

– Вячеслав Дмитриевич ждет вас для личного разговора. Всего хорошего, Елизавета Юрьевна.

Сунув ручку обратно в планшет, Васильев принялся названивать в соседнюю квартиру.

Я захлопнула дверь и прислонилась спиной к холодной поверхности. Значит, юрист Дмитрий Кожевников все же мертв. До того, как оперуполномоченный Сергей Васильев появился на пороге, я про себя надеялась, что все обойдется, и ночные приключения на поверку окажутся чьей-то глупой шуткой. Не обошлось.

«Берегитесь, Шеба».

Беречься, но кого?

«Он рядом».

Кто он? И почему именно сейчас?

Мои размышления прервал телефон. На другом конце провода была взволнованная Трубецкая.

– Уже в курсе? – вместо приветствия поинтересовалась она.

– Чего именно? – я потерла лоб рукой и поспешила порадовать подругу. – Мне уже повестку принесли.

– Повестка – это ерунда. Обычное дело, – отмахнулась Юлька. – По Леркиным данным, какая-то страдающая бессонницей бабушка ночью заметила выбегавшего из подъезда мужика. В ходе допроса она десять раз называла разные подъезды и дома. Оперов отправили обходить квартиры. Ну а тебя, дядя Слава персонально жаждет предостеречь от желания сунуть нос не в свои дела.

– А кто убитый уже выяснили? – поинтересовалась я.

– Пока нет. Я, как понимаешь, не горю желанием сотрудничать со следствием. Отпечатков в базе нет. Документов нет. Убит выстрелом в лицо, с близкого расстояния.

– Можно без подробностей? – взмолилась я.

– Нельзя. Может быть, ты проникнешься ситуацией, – холодно заметила Юлия. – Не хочу, однажды явившись на опознание, увидеть на прозекторском столе тебя.

– Это все?

– Нет, не все. В вещах убитого нашли листок бумаги с тремя именами, написанными ручкой. Майкл, Алекс и Шеба.

– Интересно, – одними губами повторила я.

– Что? Лиз, ты пропадаешь.

– Связь плохая, – прокашлялась я. – Ладно, Юль, я пойду, мне еще вещи укладывать.

– Вот дурында, – выругалась на том конце провода Трубецкая. – Отдай дяде Славе конверт, или я о нем случайно проболтаюсь.

Вместо ответа я повесила трубку

Родное отделение полиции встречало невыносимой духотой и полумраком узкого коридора, где в рамках подготовки к визиту высокого начальства, двое электриков обновляли списанные лампочки, а завхоз Семен Иванович пытался вернуть к жизни давно почившую в бозе сплит-систему. Им мешало рабочее перемещение стражей закона, на которых электрики роняли инструмент, а завхоз матерился, как пьяный сапожник, стоило приблизиться к его стремянке ближе, чем на полметра. Следователи и опера в долгу не оставались. Пассатижи летели в небеса, а Семен Ивановича вместе со сплит-системой посылали на всем известный овощ.

На меня господа полицейские бросали взгляды полные неприязни, и дружно недоумевали, почему я еще не в наручниках, хотя уже под конвоем. Еще немного и развели бы костер, но прикомандированный следить, чтобы я чего-нибудь не сотворила, Сережа Васильев принял на себя волну народного гнева и быстро погнал меня к кабинету в конце коридора.

Я даже не успела вежливо постучать. Опер открыл массивную дубовую дверь, украшенную табличкой с надписью «Полковник Студенов В. А.», и втокнул меня внутрь.

– Добрый день, – поздоровалась я со спиной своего крестного. – Дядя Слава, а за что меня так?

– Сядь, – не оборачиваясь, велел полковник. Было что-то такое в его голосе, от чего я сразу послушалась. – Юлия тебе звонила. Что знаешь?

– Ничего.

– Не ври. – Студенов отошел от окна, сел за стол и внимательно посмотрел на меня. – Васильев мне сказал, что ты вещи собираешь. Куда собралась?

– В Москву, на пару недель.

– Что так спешно?

– Семья. Ты ведь не будешь меня задерживать?

– Семья? – крестный покачал головой. – Что ж, по крайней мере, я буду спокоен. Они за тобой присмотрят.

– Дядя Слава,

– Нет.

– Я еще спросить не успела.

– Что бы ты ни спросила, нет. Ладно, – полковник кивнул. – Так значит, ночью ты ничего не видела и не слышала?

– Не слышала и не видела. А что случилось?

Крестный проигнорировал мой вопрос и задал свой:

– В твоём грандиозном разоблачении коррупционеров принимал участие Дмитрий Кожевников?

– Нет. – Тут мне даже врать не пришлось. – А кто это?

– Это безвременно почивший в бозе в районе твоего дома юрист из «Стеллы». И мои ретивые подчиненные уже пытаются связать твои громкие разоблачения с его смертью.

– Здесь нет никакой связи.

– Надеюсь. – Вячеслав Анатольевич тяжело вздохнул. – Раньше чем через месяц, не возвращайся. Низайший поклон Павлу и Маргарите.

Я вышла из кабинета и покачала головой в ответ на немой вопрос во взгляде Васильева.

– Нет, товарищ сержант. Я все еще свободна. Не проводите меня до проходной?

...Остаток дня, я не знала, куда себя деть, мучилась дурными предчувствиями, зачем-то поругалась с Трубецкой, тут же помирилась, а в девятнадцать ноль-ноль села в поезд, который через восемь часов должен был доставить меня в лучший город земли.

VI

Атмосферу, которая царила в конференц-зале холдинга ЗАО «Стелла» даже с большой натяжкой нельзя было назвать дружеской. Вокруг стола из красного дерева, украшенного тонкой резьбой, собрались пятеро из шестерых ныне здравствующих акционеров компании. Они обменивались волчьими взглядами и ничего не значащими фразами, и с нетерпением ждали прибытия шестого, дабы обрушить на него всеобщий гнев за длительное ожидание и хоть как-то разрядить обстановку.

Александр Климов бросил взгляд на часы и, сложив руки на груди, возвел глаза к потолку. Похоже, он зря два часа разглагольствовал на тему, как важна для них эта встреча. Князь согласно кивал и не возражал. Алекс тогда внутренне возликовал, начисто позабыв, что данная личность вообще никогда не унижается до споров, предпочитая пустопорожней болтовне активные действия. Вопрос только, в каком направлении он собрался действовать? Кого будет поддерживать, когда Атаман мертв?

– Ну, хватит, – словно в ответ на его мысли хлопнул ладонью по столу предполагаемый наследник контрольного пакета акций, родной сын создателя их звездной империи Марк Антонович Павлов. – Сколько можно ждать? Александр, может быть, ты дашь нам разумные объяснения отсутствия Кирилла Андреевича?

Климов, преодолевая желание покрутить головой и пожать плечами, невозмутимо произнес:

– Пробки.

– Пусть пересядет на вертолет. – язвительно бросил Павлов.

– Это неуважение ко всем нам, господа. – вальяжно произнес полный лысоватый мужчина, откидывая крышку портсигара. – Предлагаю начинать без него. С общего разрешения.

– Прекратите, Константин Сергеевич. – поморщился Марк. – Вы тоже нечасто баловали нас своим присутствием. До смерти моего отца. И никто не упрекал вас в неуважении к собранию акционеров.

Дальнейшему обмену любезностями помешало долгожданное появление Кирилла Андреевича Донского.

– Добрый вечер, господа. Прошу прощения, что заставил себя ждать. Непредвиденные обстоятельства. – Князь, не обращая внимания на злые взгляды присутствующих, обогнул стол и сел в свободное кресло. – Начнем, Марк Антонович?

– Начнем. Господа, я смею напомнить, что мы собрались здесь по довольно прозаичному поводу, – жестом призывая всех к молчанию, произнес Павлов. – Завещание отца.

– Как я понимаю, Атаман сыграл с нами последнюю шутку. – протянул коренастый блондин с пышными усами цвета спелой пшеницы. – Он умудрился составить юридически правильное завещание, не указав имени наследника. У кого его снимок, тот получает все.

– Ты прав, Сергей Петрович. – Марк кивнул. – Отец, напоследок, поразвлекся, как мог.

– Он хотел, чтобы «СтеллаУ» получил самый достойный. – уточнил последний из присутствующих – высокий худой брюнет- Петр Михайлович Белый. – Намечается большая игра, джентльмены. По правилам, завещанным нам отцом-основателем. . . .

– Я устал от игр в стиле девяностых, Петр Михайлович, – поморщившись, произнес Алекс. – Будем вырывать фото друг у друга из глотки, пока в живых не останется кто-то один?

– Я согласен с Климовым, – кивнул Павлов. – Не думаю, чтобы отец хотел такого. Он ценил в людях ум.

– Скорее Атаман вообразил себя древним правителем, с которым в загробный мир отправлялись лучшие воины и женщины. – ухмыльнулся Константин. – В отличие от тебя, Марк, он знал толк в смертельных играх. Ты не так похож на него, как хотелось бы. И при всем

моем уважении, – последние слова вызвали скептическую улыбку на лице Павлова, на которую Стрельцов не соизволил обратить внимания, – я не уверен в том, что ты или твоя внучка должным образом смогут обеспечить судьбу нашей империи.

Марк с трудом удерживал на лице безразличное выражение. Да, Атаман не уважал своего сына, равно как и свою внучку, считая первого заурядным ботаником, который не способен на решительные действия, а вторую пустоголовой дуручкой. Он обеспечил им достойное будущее, даже по-своему любил, но в решении всех деловых вопросов полагался на Князя. И как бы Павлову не хотелось это признавать, тот никогда не подводил. Марк тихо ненавидел молодого конкурента, но вместе с тем, доверял ему больше чем кому-либо в подлунном мире.

– Я думаю, Петр Михайлович прав, игра должна быть в стиле Атамана, – напряженную тишину нарушил бархатный голос Кирилла. – Что касается Марка Антоновича, господин Стрельцов, вы, как всегда, не располагаете достоверной информацией и можете сделать неверные выводы.

Стрельцов стиснул зубы так, что на скулах выступили желваки. Этот человек без прошлого, которому Атаман почти сразу же выделил двадцать пять процентов своего пакета акций, не уставал напоминать о том, что ему никогда не подняться до звёзд. Со своими пятнадцатью процентами капитала, не составить даже блокирующего пакета. Как же сейчас Стрельцову не хватало проклятого снимка, дающего право на акции Атамана.

– Я всегда ценил Марка, Кирилл Андреевич, – с неохотой пошел на попятную Константин. – И лишь напомнил ему о том, как важно быть достойным такого отца, как наш почитаемый Атаман.

– Я осознаю, какая это ответственность, – скривил губы Павлов.

Его, как обычно, раздирали противоречивые чувства. С одной стороны он был искренне благодарен Кириллу за поддержку, а с другой ненавидел себя за то, что даже с акциями отца, вряд ли сможет обойтись без его помощи.

– Что ж, играем в стиле Атамана. Первый, кто предъявляет собранию фото, получает его акции. Вне зависимости от того каким путем в его руках окажется снимок. Мы не станем вмешивать в свои внутренние дела органы правопорядка.

Конференц-зал понемногу опустел. Никогда Марк не чувствовал себя настолько раздавленным. Что будет, если фото предъявит Стрелец? Кто тогда позаботится об Але?

– Если ты готов сам лечь в гроб и заколотить изнутри крышку, я договарюсь об аренде катафалка и лошадок с плюмажем на головах, – прозвучал над ухом язвительный голос Князя.

– Да что ты понимаешь? – вскинулся Павлов. – «Стелла» моя! Отец должен был завещать ее мне, а не устраивать этот цирк. Эти стервятники растащат компанию...

– Да и съедят твою бедную внучку, – поддержал Кирилл. – Марк, за пять лет знакомства, я наизусть выучил твой репертуар. Не желаешь как-то воспрепятствовать наступлению этих траурных событий?

– Как? – Павлов отрешенно покачал головой. – Взять в руки автомат и расстрелять оппонентов? Константин прав, я стар и не создан для этого мира. Я лишь хочу счастья для внучки.....

– С Никитой Стрельцовым она будет жить, как у Христа за пазухой, – язвительно заметил Кирилл. – Как твоя дочь с Константином.

В лицо Марка словно плеснуло обжигающей волной. Он сам не помнил, как вскочил с кресла и, вцепившись в края пиджака, Донского заорал:

– Не тронь Лару, слышишь?! Не смей!

В следующий момент Павлов шлепнулся обратно в кресло, а Кирилл спокойно продолжил:

– Теперь серьезно. О затее твоего папеньки я знал еще за месяц до его смерти, более того, это была моя идея. Фото должен был предъявить ты, а Стрелец и прочие благополучно

перегрызть друг другу глотки. Но, к глубокому сожалению, я ошибся в выборе актера для исполнения финальной части пьесы. – Князь криво усмехнулся. – Я не учел, что Кожевников мог испытывать к твоей внучке глубокую симпатию и решил, что я имею личные мотивы в этом деле.

– Его убили по твоему приказу?

– Я дураков не убиваю. Тем более влюбленных. – поморщился Кирилл. – Итог неутешительный – Дмитрий мертв, фото при нем нет.

– А если фото нашла местная полиция? И оно, так или иначе, попадет в руки Стрельцова?

– Нет, – в разговор вступил доселе безучастно сидящий Климов. – В вещах Дмитрия фотографии не было. Нашли только листок со списком имен. Одно мое. Два других Майкл и Шеба. Вам это о чем-нибудь говорит, Марк Антонович?

Марк недоуменно покачал головой.

– Может быть, Аля знает.

– Есть одна зацепка, – продолжил Донской. – Дмитрий звонил мне и произнес «Семья».

– Семья? – Александр приподнял брови. – Чья семья? Нет, Князь, не может быть.

– Кожевников последние полгода совмещал работу в «Стелле» с юридической помощью организации Пауля Кройстеда.

– Этого еще не хватало. Семья...

– Что это за мафиозный клан? – насмешливо осведомился Марк.

– Павел Робертович Ройстед и его помощница Маргарита Александровна Болотова тридцать лет назад начали работать с одаренными детьми, – отстраненно излагал Климов. – Отбирали сирот в возрасте от восьми до тринадцати лет, по им одним понятным критериям. Эти дети попадали в закрытую школу-интернат, откуда в восемнадцать лет выпускались настоящие самородки. Мальчики, в большинстве своем, шли в военные училища. Девочки, в основном, творческие личности. Каждая со своим уникальным талантом. Методикой господина Кройстеда заинтересовались в верхах, но ничего необычного не выявили. Была даже весьма неприятная история с похищением нескольких воспитанниц, но дело рассыпалось, толком не начавшись. Достоверно известно только то, что дети у Ройстеда и Болотовой необычные, невероятно привязанные друг к другу и к приемным родителям, и что трогать их не стоит. Опасно для здоровья. Неужели нам придется требовать от Павла Ройстеда нашу законную собственность?

– Надеюсь, что требовать не придется. Завтра вечером я встречаюсь с посредником. Возможно, удастся решить все миром, – подвел черту Кирилл. – А ты, Марк Антонович, займись своей внучкой. Может быть, и от нее услышишь что-нибудь интересное.

Когда Павлов покинул конференц-зал, Климов произнес:

– Не лез бы ты в Семью, Князь. Черт знает, чем они там на самом деле занимаются. Не хватает еще, чтобы тебе мозги промыли и, не приведи Господь, в правление пробились.

– Будем плакать, когда будут бить, – пожал плечами Кирилл и вышел.

VII

Я бесцельно брела по сосновому лесу, окружавшему дом Семьи. Тропинок, подобных этой, было проложено ровно десять. На протяжении всего маршрута расставлены лавочки и урны. На деревьях младшие братья и сестры развесили кормушки для птиц и белок.

После приезда и вселения в квартиру одного из моих братьев, который сейчас воевал на Ближнем Востоке, мне сразу пришлось ехать в Подмосковье.

Дядя, мрачный, как никогда, озвучил необходимое количество конечного продукта и вышел, дабы не мешать процессу. Он никогда не смотрел, как я работаю, не просил записать пропорции. В юности это казалось мне странным, но потом я поняла, что дядя был прав. Слишком соблазнительным было такое знание. Мало кто мог выдержать искушение.

Что же случилось? Никогда не видела дядюшку Пауля таким. Никогда не было такого, чтобы тетушка Маргарита не встретила приехавшего члена Семьи. Даже стены дома дышали безысходной тоской. Когда я закончила, то настолько прониклась общим настроением, что убралась из дома на прогулку.

– Проблемы?

Я вздрогнула от неожиданности.

– Тьфу! Чтoб ты пропал! – я протянула руку. – Приземляйся, несчастье.

– Тоже мне, праздник приехал, – не остался в долгу крупный ухоженный ворон. – Чего-то ты сама на себя не похожа, Македа.

– Почему?

– Ты даже не спросила у меня, зачем дядюшке Паулю столько золотишка.

– Еще спрошу.

– У тебя что-то случилось, царица Савская? – задумчиво склонил голову набок ворон. – И тебя это настолько взволновало, что проблемы Семьи тебе стали побоку. Имей совесть, расскажи, пока я не сдох от любопытства!

– Валтасар, ты не слышал такого имени – Дмитрий Кожевников?

– Слышал. Это ваш юрист. Его Фил дядюшке Паулю с полгода назад сосватал. Вроде все были им довольны. А еще этот адвокат пользовался успехом у некоторых твоих сестер. – Валтасар вспорхнул мне на плечо. – Почему ты спрашиваешь?

– Я думала, общий траур вызван его гибелью. Нет?

– Он мертв? – ворон искренне удивился. – Вот Фил расстроится, и Алиска.

– А еще у меня появилась копия.

– Да не дай Бог, – каркнул Валтасар. – Тебя и одной-то много. Эй, Македа, чего ты так подозрительно сопишь? Неужто сырость разводить решила?

– А вдруг мои настоящие родители живы? Я хочу узнать, кто и почему похоронил меня сразу после рождения.

– Смотри, как бы тебя опять не похоронили, – буркнул ворон и вспорхнул на кормушку. – Аж живот подвело от таких новостей.

– Ну тебя, проглот.

Я передернула плечами и пошла дальше.

Что же случилось двадцать шесть лет назад в маленьком шахтерском городке на юге России? Мое сходство с неизвестной девушкой Ангелиной – просто игра природы, или она моя родная сестра? Если сестра, то почему ее оставили в семье, а меня похоронили? Если игра природы, то ...то я могу жить спокойно. Если сестра... Возможно, все еще проще. Молоденькая дурочка забеременела, опоздала с абортoм, рожала дома. Один ребенок оказался настолько слабеньким, что его приняли за мертвого. Чтобы никто ничего не узнал, закопали. Все. Нечего выяснять. Лучше забыть об этой истории раз и навсегда.

– До Люберец подбросишь? – вдруг каркнул мне в ухо ворон. – Неохота против ветра лететь. Или ты остаешься?

– Подброшу. – согласилась я. – Как там Алекс? Как Роман?

– Со дня на день ожидают пополнения. Приглашали тебя в гости. Роману, кстати, очень не нравился ныне покойный Дмитрий.

– Надо же, – я открыла дверцу старенькой «десятки». Если бывшему сотруднику федеральной службы безопасности Роману Старицкому почему-то не понравился Дмитрий, стоило и мне призадуматься. – А Роман не обосновывал свою неприязнь?

– Обосновывал. – Валтасар устроился на переднем сиденье. – Этот парень все время крутился вокруг Алиски.

– Любовь?

– Какая там любовь, – ворон щелкнул клювом. – По-моему, этот юрист пытался понять, что она может, но, кажется, так ни до чего и не додумался. Роман ему вовремя объяснил, где выход. Зачем тормозишь? Место какое-то не презентабельное. Фонари через один горят.

– Куплю чего-нибудь перекусить. В квартире холодильник пустой.

В глазах ворона это был весомый аргумент, и он согласно покивал. Я свернула на стоянку перед супермаркетом и медленно поехала вдоль ряда припаркованных машин, подыскивая свободное место.

– Македа, стой!

Я прыгнула на тормоз. Машина резко клюнула носом, внимательный ворон улетел с кресла под бардачок, а я приложилась лбом о рулевую колонку. Первой мыслью было, что я сейчас убью ту идиотку, которая так нагло лезет под колеса, а потом накатил ужас, так как она не пыталась подняться. Я вылезла из салона, подбежала к лежащей девушке.

– Эй! С вами все в порядке? Ты что делаешь?!

Только что умиравшая барышня резво вскочила на ноги и оказалась у меня за спиной. Между лопаток уперлось дуло пистолета.

– Поехали отсюда. – нервный шепот. – Скорее поехали!

– Ладно, ладно. – Я успокаивающе подняла руки. – Поехали, так поехали.

Она скользнула на заднее сиденье, продолжая держать меня на мушке. Я покачала головой и села за руль. Повезло, так повезло. Наркоманка, пьяная или просто чокнутая? Капюшон надвинут чуть ли не до подбородка, рука с пистолетом ходит в разные стороны.

– Куда едем-то? – спросила я.

– Просто вывезите меня подальше из Москвы.

Дуло пистолета отодвинулось от моего уха.

Некоторое время в салоне висела мертвая тишина, нарушаемая только всхлипами, доносившимися с заднего сиденья.

– Рядом с тобой сумка, в боковом кармане – бумажные платочки. – предложила я.

– Спасибо. – Она зашуршала целлофаном. – Извините, что так... Просто у меня нет другого выхода.

Я бросила взгляд в зеркало заднего вида.

– Может быть, это не мое дело, но есть такое замечательное учреждение, как полиция.

– Полиция мне не поможет. – Она покрутила пистолет в руках. – Мне уже ничего не поможет.

– Ты не забывай держать меня на прицеле, – быстро посоветовала я. Не хватает мне очередного безвременно ушедшего в опасной близости от моей персоны.

– Я знаю, что это была плохая идея. – пассажирка положила пистолет рядом с собой. – Я даже не знаю, как из него стрелять. И я не знаю, куда мне идти. Теперь, когда умер мой единственный друг... Дима часто говорил мне: «Беги». Вот, я и убежала.

Вот только этого мне и не хватало. Я же решила, что не буду никуда лезть. Я решила, что меня ни смерть Кожевникова, ни это фото, ни девушка-копия не касаются.

– Ты Ангелина? – обреченно спросила я.

VIII

Чарльз, улыбаясь во всю пасть, вылетел меня встречать. Ангелина ахнула и ринулась обратно на лестничную клетку. Она все еще не пришла в себя после детального рассмотрения моего лица, и всю дорогу до Люберец бубнила себе под нос, что сошла с ума, и такого не может быть.

– Чарльз, на место, – велела я лабрадору и, через плечо бросила новоиспеченной родственнице: – Проходи. Он тебя не тронет.

– Можно мне в ванную? – робко спросила она.

– Санузел слева по коридору. Я буду в кухне.

– Спасибо. – Ангелина скрылась за дверью.

Мы с Чарльзом грустно переглянулись.

«Ты где ее взяла?» отчетливо читался вопрос в карих глазах лабрадора. «От нее бедой пахнет, хозяйка.»

– Давай-ка, по этому поводу выпьем кофе, – предложила я и направилась в кухню. Сосредоточенно насыпала кофе в турку, налила воды, поставила на огонь. Просигналила маячившему в окне Валтасару, чтобы не показывался. Ворон описал полукруг и взял курс на квартиру Алекс. Судя по нервным взмахам крыльев, весьма обиженный. Валтасара отличали три черты: любовь к еде, тяга к философии и страшное любопытство. А потрясений моей двойняшке на сегодня хватит. Если она услышит философствующего Валтасара, психбольница ей просто гарантирована.

– Можно мне тоже кофе?

На пороге кухни робко возникла Ангелина.

– Можно. – я сняла турку с огня. – Присаживайся.

– Лиза, я все равно ничего не понимаю. – Она недоверчиво смотрела на меня. – Мне всегда говорили, что я единственный ребенок. Как такое может быть? У тебя ведь тоже есть родители...

– Я круглая сирота. Пей.

Аля изящно приняла чашку и, сделав большой глоток, продолжила:

– А откуда ты знаешь про меня?

Я про себя прикинула сколько процентов правды можно ей рассказать и ответила:

– Я ничего не знала про тебя, кроме имени. Я случайно столкнулась с твоим единственным другом Дмитрием в торговом центре, и он принял меня за тебя. Ругался, что ты постриглась и перекрасилась.

Ангелина смахнула покотившиеся по щекам слезы.

– Это так несправедливо. Люди, вроде Никиты преспокойно живут и здравствуют, а Димы нет.

– Никита, это кто?

– Никита Стрельцов – младший брат моего отчима. – Аля сжала в кулаке салфетку. – Он хочет на мне жениться.

Шарики в моей голове зацепились за ролики. Никита Стрельцов-герой моего последнего репортажа о кражах на металлургическом холдинге ЗАО «Стелла». «Стелла», в переводе с латинского «звезда». Звездная империя, твою мать. А говорят, дважды в одну воронку снаряд не попадает.

– Ты думаешь, что я сумасшедшая. – неверно истолковала мое длительное молчание Ангелина. – Вся моя жизнь – это бесконечная череда чужих решений. Я ходила в ту школу, которую выбрал прадед, брала уроки рисования, хотя я ненавижу краски и кисти. Мне запретили учиться в институте потому, что я недостаточно умна для этого. Мне велели готовиться

к свадьбе с человеком, которого я боюсь. Нет, ты не думай, ничего криминального. Просто он какой-то... в общем не такой, как все люди.

– Сильно. – Мое, и без того невысокое, мнение о покойном Атамане упало еще на несколько пунктов. – А другие родственники не пытались повлиять на него?

– Мама разбилась, когда мне было десять лет, а деда, то есть своего сына, Антон Сергеевич никогда не слушал. Меня, как посылку, передавали из рук в руки. Когда прадед умер, я думала, что...– она запнулась. – Я думала, что свободна, но нет, теперь меня не оставляет в покое Никита. Я же наследница дедовых акций... Я понимаю, что после свадьбы, деда не пожалеют, поэтому решила сбежать. Ото всех.

– Молодец. – я кивнула.

– Думаешь, я не понимаю, что это не выход?! – Аля зло оттолкнула чашку. – Но я не знаю, что мне делать. Я всю жизнь выполняю приказы, как дрессированное животное! Я больше так не могу!

– Успокойся. – я легонько пожала ее руку. – Сегодня ты в безопасности, а завтра, мы что-нибудь придумаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.